

Игорь Шестков "Кинжал"

КИНЖАЛ

С недавних пор я чувствую себя каким-то не пришей кобыле хвостом. Пятьдесят седьмым колесом литературной телеги. Может быть потому, что интернет, этот гигантский электронный вихрь, втянул в себя убийственной тягой вакуума и мою душу. Высосал, как Дракула, кровь реальности. А мне подсунул репродукцию леденца. Обыкновенная история. Слегка даже и поднадоевшая. Прошлое уже свернулось в пестрый войлочный ком. Ком этот выкатился у меня из под ног и укатился в чеховский овраг, в Уклеево, где дьячок на похоронах всю икру съел.

Будущее так и не пришло, сколько я его ни звал. Не подействовали заклятья старого волынщика.

Настоящее пылает в малиновом зареве.

Ирония судьбы! Страстному любителю фривольных картинок и автору жестких текстов-маркизов, поминок по идеализму, опротивели и картинки и тексты и сам индивидуализм. Опротивел до турмалиновой рвоты и весь всемирный культур-мультиур. И особенно — российские коллеги графоманы, упивающиеся лебедиными песнями русской культуры, как веничкины психбольные в «Шагах Командора» — метиловым спиртом.

Но — свято место пусто не бывает. И, вот уж чего от себя на старости лет никак не ожидал — мне до дрожи в руках захотелось наслаждаться вещами. Чем-то металлическим, холодным, тяжелым, brutальным. В кресло выдохшейся духовки залез с ногами хам-фетишизм.

Обиженные коллеги скажут: Металлическим? Холодным? Купи себе мясорубку! И наслаждайся.

Вы вульгарны и жестоки, господа. Похожи на меня. Покупайте сами себе мясорубки и соковыжималки, видеокамеры и современные романы, автомобили и дирижабли.

А я куплю дагестанский кинжал...

Положу его на темно-бордовый немецкий бархат, буду на него смотреть и играть

на варгане...

...

Дагестанский кинжал подарили моему деду на шестидесятилетие его старинные друзья-чеченцы. Не настоящий, декоративный. С маленькой изящной рукоятью из слоёного агата. Обшивка ножен и длинный, тупой клинок с тремя желобками посередине — из серебра. Чернь. Резьба. Мархарай и тутта. Работа мастера.

Мне, тогда четырнадцатилетнему подростку, кинжал не то чтобы нравился, он мной овладел, как Пушкин своими крепостными девками. Я не мог выпустить его из рук, прижимал кинжал к щеке, закрывал глаза и представлял себе лермонтовских героев: Азамата, Казбича, Печорина, Максим Максимыча...

У всех у них, даже у нежной княжны Мери, у искусственного Грушницкого и у доброго доктора Вернера были в руках различные кинжалы, которыми они томно обмахивались как веерами.

Из глубокой раны на спине у Бэлы не лилась ручьями кровь. Она тоже держала в руках кинжал, но не прямой — кама, а искривленный — бебут и пристально смотрела на смурного Казбича. Темные ее глаза под угольными бровями сверкали как сваровские жемчуга.

Бабушка отбирала у меня кинжал, клала его на книжную полку, за стекло, и говорила неискренно: Гулик, я боюсь, что ты порежешься.

Она знала, что дед не любил, когда я брал в руки его подарки. Дед не любил и когда я делал себе бутерброд на кухне. А особенно не любил, когда я кланчил у него деньги. С легким сердцем давал мне разве что гривенник.

Я попытался выцыганить у деда кинжал, придумал хитроумный обмен, уговорил бабушку замолвить за меня словечко. Но дед был непреклонен и кинжал мне так и не отдал.

Когда дедушка и бабушка умерли, кинжал вместе со всем остальным их скарбом перешел во владение моей железной тетки Раисы. И сгинул в семейной Лете.

Так и осталось во мне — неутоленное детское желание иметь кинжал. Над этой своей слабостью я сам всю жизнь потешался и желание это, несмотря на многочисленные, открывающиеся тут и там возможности — не утолял. Еще чего? Экая блажь!

Но однажды в Иерусалиме... Все-таки утолил.

На улице Эль Кханка в христианской части старого города. По которой пару тысячелетий назад Иисус Христос якобы тащил свой крест на Голгофу.

Забрел я туда не ради сомнительных соблазнов Виа Долорозы (там показывают среди прочего и следы сандалий Девы Марии и углубление в камне, оставленное рукой облокотившегося Спасителя) и уж конечно не для того, чтобы покупать кинжалы, а для того, чтобы посетить магазинчик армянина Кеворка, который торгует фотографиями своего отца, замечательного фотографа Элии Кахведяна, потерявшего во времена бойни, учиненной турками, родителей, пять братьев и трех сестер, переправленного американцами вместе с тысячами других армянских сирот в Ливан, а затем на Святую Землю.

В этой лавке я побеседовал с симпатичнейшим Кеворком, купил у него фотоальбом старого Иерусалима и несколько напечатанных на принтере фотографий Элии. Положил все это в черную сумочку-авоську, в которой обычно ношу йогурты и булочки у себя в Берлине. И в хорошем настроении от беседы с умным человеком и от удачной покупки отправился дальше, по узенькой улице, ведущей к арабскому кварталу, мимо лавок христианских сувениров, мимо мастерских, закусовых.

Некоторые торговцы разложили свой товар прямо на улице, на небольших деревянных лотках. Тут торговали не только украшениями, четками, всевозможными распятиями и греческими иконками, но и ножами, шашками и кинжалами. Все это барахло не вызывало у меня никаких эмоций. Не наводило ни на какие мысли. Машаллах!

Но у арабов-торговцев в крови — какие-то особенные гены. Они чувствуют покупателя. Знают, как его заинтересовать, как прилипнуть к нему незначительным разговором, начинающимся обычно доверительной просьбой перевести немецкую фразу, приглашением на чашечку кофе или дежурным рассказом о том, в каком ресторане его брат работает в Мюнхене, а затем терзать, терзать показами товаров и предложениями скидки, пока он что-нибудь у них не купит втридорога. Умеют они и оклеветать конкурентов. И вовсе задурить голову.

Как только я вышел из магазина Кахведяна, вокруг меня зашуршало и поползло по старым мамелюкским стенам, как сотни невидимых змей, эхо: Он продает не

оригиналы, а фотокопии... Простые фотокопии... Этот армянин обманщик...
Фотокопии...

Я остановился, осмотрелся, оглянулся — торговцы были заняты своим делом, торговались с покупателями, переключивали товар, посетители кафе поедали свой хумус, пили гранатовый сок по два бакса за стакан, два деловитых еврея-ортодокса спешили по своим делам, полная арабская дама в голубом шелковом пальто несла домой тяжелую сумку с провизией и вела за руку двоих вертлявых детей.

Никто на меня не смотрел, никто ничего мне не говорил, не шептал...

Но, как только я двинулся дальше, эхо тут же продолжило свои ядовитые речи. Змеи опять зашипели.

— Фотокопии! Фотокопии! Дешёвка! А ты заплатил по десять долларов за штуку! Тебя обманули!

Почти телепатический этот шепот транслировался в мой мозг не на понятных мне русском, немецком или английском языках, а на каком-то дьявольском гортанном эсперанто — но я его понимал!

А потом...

Тот же невидимый змеиный хор приказал мне: Купи кинжал! Посмотри, как сверкают клинки! Потрогай их! Металл холоден, а кровь мюрида горяча.

Вспомни кинжал своего деда! Ты всегда хотел купить кинжал.

И, представьте себе, я как ошалелый, как зомби из дешевого сериала подошел к соседнему лотку и мгновенно выбрал глазами из пары дюжин лежащих там кинжалов — свой, уже любимый, без которого не могу жить, клинок.

Украшенный фальшивыми драгоценными камнями, фальшивым серебром и фальшивым золотом, с пошлым крестом тамплиеров на рукояти. Поднял его и подал продавцу. Тот сказал: Двадцать долларов.

И завернул кинжал в газету. Я подал ему деньги, положил сверток с кинжалом, похожий на упаковку селедки советских времен в свою черную сумку рядом с фотографиями и книгой и дальше пошел.

Эхо отреагировало на мой поступок так — вокруг меня зашипело, застрекотало.

— Цок-цок-цок... Шшш-шшш-шшш! Он купил кинжал за двадцать долларов! А ему цена — семь! Купи, купи еще один. Потрать тысячу долларов! Тысячу!

Тысячу! Купи пятьдесят кинжалов! Иди к Стене и накажи неверных! Гурии ждут тебя в раю!

Перед глазами у меня замелькали маски на чертовском маскараде, обнаженные смуглокожие девушки в тяжелых жемчужных ожерельях, рубины и изумруды, отбрасывающие во все стороны волшебные лучи, откуда-то вынырнул Казбич и вонзил свой темно-синий, выточенный из цельного кристалла, кинжал в грудь трепещущей княгине Лиговской, Максим Максимыч, интимно приблизившись к моему лицу, пожаловался на осетинов: Преглупый народ. Порядочного кинжала ни на одном не увидишь.

Я впал в какое-то блаженное исступление, в моем мозгу скрипка и фортепьяно вовсю наяривали до боли знакомую, чарующую мелодию. Поддавшись магнетизму, подошел было к другому лотку с кинжалами, но испугался подступающего безумия, пересилил себя, повернул направо и потрусил по направлению к туннелю, ведущему к Стене плача.

...

К Западной Стене можно подойти с трех сторон. Самый большой проход — от Мусорных ворот. Туда подъезжают такси, там остановка автобуса. Еще один проход, сверху вниз по каменным лестницам, из еврейского части старого города. И третий — через туннель, со стороны арабского квартала.

Желающего посетить главную святыню иудейства ожидают во всех трех проходах магнитные арки. Сумки просвечиваются, как в аэропорту, рентгеновскими аппаратами. Военнослужащие армии Израиля проводят личный досмотр. Пристально всматриваются в лица. Ничего подозрительного ни в карманах, ни в сумках, ни в душах проносить к Стене плача нельзя.

Знал я это все?

Еще как знал! Десятки раз проходил через все эти проверки не без необъяснимой внутренней дрожи. Ничего запрещенного у меня с собой не было, никакой опасности для молящихся у Стены евреев я не представлял, но само слепое подозрение в терроризме порождало во мне бурю эмоций и представлений, не всегда положительного характера. И это, неприятное, сокровенное, тоже было известно дьявольскому эху.

Знал, знал, все знал...

Но когда подходил тогда к контрольно-пропускному пункту в туннеле — ни о чем таком не думал.

Положил на движущуюся ленту сумку...

Напевая, прошел через магнитную арку. Солдат пытливо посмотрел мне в глаза и, не найдя в них никакой крамолы, улыбнулся мне белозубой улыбкой. И скосил глаза на маленький монитор.

И тут же улыбка слетела с его румяных уст. Глаза солдата округлились и наполнились ужасом, он быстро вынул из черной сумки роковой сверток, развернул газету и...

Темноватый туннель озарили разноцветные, отраженные от моего кинжала, его стеклянных драгоценностей и фальшивых позолот, лучи.

Ко мне молча подошли двое солдат и крепко взяли меня за локти. От одного из них неприятно пахло чесноком. У второго на руке был поддельный золотой ролекс с бриллиантами, а на шее золотая цепочка.

— Что эээто такое?!?

Голос первого солдата гремел как набат.

Я не понимал, что они от меня хотят. Мой мозг упорно не хотел включаться и думать. Как пятитонки нашей коммунистической молодости. Тоже упрямо не заводились. Разве что нехотя, после того как изможденные шоферы, матерясь и отплеываясь, минут пять крутили своими кривыми железяками у них в зубах. Солдат повторил грозно, как архангел, свой вопрос.

— Что эээто такое?

Кинжал он держал, как бомбу или ребенка, осторожно, двумя руками.

Я тихо ответил по-немецки.

— Айн дольх.

Солдат еще более страшно округлил глаза, напряг скулы и заговорил быстро. Его английский был нехорош.

— Это оружие! Запрещено к проносу! У Стены запрещено любое колюще-режущее! И носить с собой в Иерусалиме такой огромный ножик запрещено. Дома хранить запрещено! Будем вызывать полицию, составлять протокол о незаконном ношении холодного оружия!

Тут наконец я проснулся. В голове пролетели картинки: длинный темный

коридор подземной тюрьмы, железные зеленые двери в камеры. Решетки на крохотных окнах. Крысы в унитазе. Свирепые лица уголовников. Каркающий голос объявил в мегафон: У них изъяли кинжалы на пути к Стене плача! Это не люди, а звери, фашисты! Хотели изрезать кинжалами плачущих евреев.

— Извините, я не знал. Я простой турист. Из Германии. Даже не хотел покупать этот чертов сувенир. Проклятые арабы мне его всучили...

Тут солдат неожиданно для меня смягчился.

— Арабы? Тут, недалеко, на лотках?

— Да. Они мне внушали. Как телепаты. Купи-купи. Я и купил! Эхо тут странное у вас... Нет сил противостоять.

— Ладно, бери свой ножик и вали назад к продавцам, может, они тебе деньги вернут.

Голос солдата заметно потеплел.

— Ну нет. Не пойду. Они меня там уговорят базуку купить. Оставьте кинжал у себя, а я пойду к Стене. На обратном пути зайду к вам и заберу сверток. А если не зайду, передайте кинжал в арсенал Армии Оборона Израиля. Как дар от немецкого народа.

Солдаты сделали вид, что не расслышали мои последние слова и пропустили меня к Стене.

...

Поехали мы в Гагру. На поезде. В Ростове-на-Дону к нам в купе вошли два пассажира. А до Ростова мы катили вдвоем. Я и дружок мой школьный, Женя, Жэк.

Как же здорово ехать на поезде с другом, когда тебе только семнадцать лет!

Голова не болит. Душа не ноет. Смех и радость у нас вызывало решительно все — и вонючее четырехместное купе грязного советского поезда, и ехидные узкие глазки коротышки-проводницы, угощавшей нас янтарным чаем в ужасных подстаканниках и крошащимся в руках невкусным печеньем, и тревожные синие и желтые огни на ночных станциях, и дневные ландшафты необустроенной, печальной родины за окном.

Новыми попутчиками были незнакомые между собой люди: Солидный седобородый старик в национальном костюме — в черкеске с газырями, при

папахе и с кинжалом у пояса, не совсем трезвый, возбужденный видимо прошедшим культурным мероприятием, в котором он участвовал с еще несколькими десятками таких же как он, разодетыми под горцев лицами кавказской национальности, разместившимися в других купе, и плюгавенький мужчина с серым неприметным лицом обыкновенного русского человека. Старик с газырями оставил у нас свой чемодан, погрозил нам огромным пальцем и ушел к друзьям в другое купе. Оттуда донесся звон бокалов, а затем послышалось многоголосое протяжное пение. А неприметный залез на верхнюю полку и там затаился. Мы с Жэком сидели внизу и болтали о том, о сем. Поздно вечером вернулся раскрасневшийся седобородый черкес. Он обратился к нам по-отечески: Сынки, сынки мои, что вы знаете о нас, адыгах? А мы — великий народ! Самый мужественный на Кавказе, самый добрый! Мы взяли для вас Казань! Победили крымских ханов! А ваш царь нас к туркам выселил! Я — шапсуг, живу в Куйбышевке. Пою в хоре. У меня внуки, такие как вы. Да... Седобородый замолчал, мы думали — задремал. Но он неожиданно пригрозил нам, сверкнув недобрый глазом, как зловещий конь в рассказе Эдгара По: Если вы меня ночью ограбите, бомбилы московские, отрежу вам яйца в Туапсе! Проговорив это, победитель крымских ханов схватил кинжал, показавшийся нам тогда вовсе не декоративным, вынул его зачем-то из ножен, слегка поводит им в воздухе у нас перед носами, затем достал толстый засаленный бумажник, открыл его и показал нам красненькие советские червонцы, штук наверное сто, потом спрятал бумажник в карман, клюнул несколько раз носом, встряхнулся, громко запел какую-то бойцовую песню. Пропел несколько минут, прослезился, хотел было еще раз показать нам бумажник, но повалился на свою нижнюю полку, как есть, в газырях, папахе и кожаных сапожках и захрапел. Послышалось бульканье как бы сотен бутылок, заревел горный поток, не знаю, Терек это был или Кубань, заклацали то ли затворы винтовок абреков, то ли бульдожьих челюсти... Мы переглянулись, подавили смешки и тихо отправились спать.

...

Проснулись мы от бешеного крика. Кричал тот, серый с обыкновенным лицом. Наш престарелый джигит сидел на своей полке, полуголый. Видимо, разделся ночью. Седая борода прикрывала его толстый волосатый живот и доходила до

синюшных кальсон. Голова, лишенная папахи, сверкала лысиной. Лево́й руко́й он держал за жидкие волосы плюгавого соседа сверху, а правой точил свой кинжал о его тело. Голова у плюгавого была запрокинута, рот открыт, по груди стекали капельки крови.

— Где мой кошелек? — ревел разъяренный черкес.

— А-ааа, я не браааал! — отвечал ему неприметный русский.

— Ты ростовский вор! — рычал представитель великого народа адыгов. — Я тебя сейчас зарежу!

— У-ууу, не надо! — умолял плюгавый.

Мой смелый друг Жэк решительно спрыгнул с верхней полки, встал на колени перед суровым стариком, пошарил руками по полу, нашел и подал шапсу́гу его бумажник, ничуть не потерявший в толщине. Старик не сразу понял, что ошибся. Когда понял, отпустил волосы ростовского вора, вставил кинжал в ножны и положил на полку, раскрыл бумажник и мрачно посмотрел на красные бумажки. Потом убрал бумажник, достал из чемодана большой носовой платок с красивой вышивкой, две бутылки коньячного спирта, груши, сыр, хлеб и четыре стаканчика... Разложил все это у себя на полке и гостеприимным жестом пригласил всех к столу.

Ростовский вор сходил в туалет и обтерся там вначале мокрым полотенцем, потом сухим. Мы приложили к его ранкам пропитанный спиртом носовой платок.

Во время пира черкес рассказывал нам о второй жене Ивана Грозного Марии Темрюковне, о газавате Мухаммеда, об ансарах и мухаджирах и о пути духовного восхождения истинного мусульманина — тарикате. Тарикат явно не сочетался с коньячным спиртом. Мы молча слушали. Раненный вор вздыхал и посматривал на часы.

В Туапсе наши соседи покинули поезд.

Мы открыли окно, жадно нюхали морской воздух и пытались разглядеть скрытое другими поездами море...

За несколько секунд до отправления к нам в купе опять ворвался проклятый старик.

Размахивал кинжалом, сверкал страшными глазами, рычал и пускал из

ощеренной пасти пену. В левой руке он держал свой раскрытый бумажник, в котором вместо червонцев лежали аккуратно нарезанные красненькие бумажки с маленькими розовыми сердечками. Из детского набора «Сделай сам».